

Инга Максимовская

**ЦВЕТОЧКИ-ВАСИЛЕЧКИ
ПАПУЛЕ ОДИНОЧКЕ**

УДК 82-3
ББК 84-4
М17

М17 **Максимовская И.**
Цветочки-Василечки папуле одиночке / Инга Максимовская – М.: Литнет,
2026. – 228 с.

ISBN 978-5-521-98981-2

— Умоляю, помогите мне, — тихо прошу Яра Розина. Я его ненавижу. Он меня презирает. — И чем же? — Мне нужно получить опеку над детьми. Они сейчас в детском доме. Им там ужасно плохо. — А я то при чем? — **ВЫ ИХ ОТЕЦ.** — Я бесплоден, куколка. Но попытка меня развести зачетная, — скалится самый страшный мой кошмар. Я добыю своего. Даже если для этого мне придется заключить сделку с этим ужасным мерзавцем.



Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-98981-2

© Литнет, 2026
© И. Максимовская, 2026

Пролог

– Дети с кучей поведенческих проблем. Склонны к побегам и бродяжничеству. За те полгода, что они в нашем учреждении, они уходили в самоволку три раза. Мальчик агрессивный. Постоянно провоцирует драки. Девочка... Она просто молчит. За все время, что она тут, не произнесла ни слова. Мы консультировались с психологами, врачами. Скорее всего какая-то задержка в развитии. У близнецов часто такое бывает. Один, тот, что сильнее просто отбирает у слабого плода необходимые для развития вещества. В общем, эти ребята... Мы думали о переводе их в коррекционное учреждение.

– У детей нет имен? – приподнимаю я бровь. Если честно, я совсем не понимаю, какого черта делаю в кабинете директора «Детского дома № 5». Воняет эта богадельня, как и все детские дома призрения: дешевой едой, хлоркой и детскими страданиями. И от чего-то все директрисы подобных «страдален» все на одно лицо. Ледяные мегеристые бабы, с камнем вместо сердца и встро-енным калькулятором.

– Отчего же, есть. Но они на них не откликаются. Мальчик полностью игнорирует обращение к нему, может послать нецензурно. Девочка просто не слышит. Или делает вид, что не слышит. – кривит губы противная тетка с пучком на голове, в очках в дорогущей оправе. – Послушайте, я все понимаю. Но... Зачем вам проблемы? Вы богаты, успешны. Родите себе нормальных... Эти дети...

– Это дети. И если они мои, я не обойдусь без ваших советов. Сегодня приедет доктор. Возьмет у них анализ. А сейчас я бы хотел посмотреть на ребят.

– А если не ваши? – щурится чертова ведьма. – Это дети, вы правы. Не игрушки. Давать им пустую надежду... Хорошо, я сейчас попрошу воспитателя привести...

– Издалека, – перебиваю я цербершу. Глаза у бабы, как два крючка гарпунных. – Я не уверен, что они мои. Вы правы, зачем давать излишнюю надежду?

Иду, как под конвоем по противным, хоть и отремонтированным, коридорам. На стенах детские рисунки, поделки, доска почета импровизированная. С нее на меня смотрят угрюмые фотографии. У детей не бывает такого взгляда. У нормальных детей. Но, нормальные дети и не выгрызают себе путь к счастью острыми цепкими зубами. Морщусь, пытаюсь не вспоминать, сколько лет я провел вот в таком же «счастливым» детстве.

– Васильковы где у нас? – спрашивает церберша у молоденькой девки, которая выскакивает нам навстречу, как чертик из табакерки. Ничего, такая. Глаза как плоски, волосы встопорщенные каштановые, грудь... – Т ася. Только не говори...

– Петр Михайлович Васеньку запер снова в дисциплинарной комнате. Он укусил Володю Репкина за плечо, и...

– У вас тут и карцер есть? – ухмыляюсь я. – Прелестно. И что, детка, часто Васильков в карцере, точнее в дисциплинарной комнате, сидит?

Директриса смотрит на девку так, что она не знает куда деться. Бедолага. Взгляд затравленный, щеки красные, глаза бегают. Тяжело девке живется, врать совсем не умеет.

– Ну, я жду ответа...

– Ну, он... Валентина Петровна. Ну Вася не виноват был в этот раз. Репкин у Василисы отобрал печенье. И вообще...

– Я не слышу ответа, – снова рычу я. Церберша молчит. Девку она сотрет в порошок, как только я уеду. К гадалке не ходи.

– Я вам говорила... – не дает и слова сказать взъерошенной Тасе Валентина Петровна. – Дети эти – волчата... У них нет понятия плохо-хорошо.

– Я спрашивал не вас, – перебиваю тетку. Не свожу взгляда с испуганной девчонки.

– Да каждый день он там. Хотя почти всегда ни за что, – лепечет несчастная смертница. Сегодня ее уволят, можно не сомневаться. Таких вот «барашек» не любят в стае волков. Точнее, любят, но только проглатывать с рожками и ножками. – Он за сестру заступается. Их нельзя разделять. Васюта страдает, когда брата нет рядом. Вася и Васюша хорошие. Им просто страшно.

– Не понял. Вася, Васюта. Это что вообще?

– Они Васильковы. Василий и Василиса, – улыбается смешная Тася. И в ее глазах столько тепла, когда она говорит про своих воспитанников. – Смешно, правда? Родители затейники у них... Ну... были. Дети сироты. А так они очень хорошие. И дружные. И держатся друг друга. Ой, простите. Мне пора. Я и так задержалась тут.

Мальчишку вижу через крошечное окошко в двери. Маленький, взгляд такой упертый, упрямый. Он похож на мать. Ужасно похож. Такой же негибачый. Такой же... Сидит на стуле, смотрит в одну точку. Он не мой. Не может быть моим. Поэтому мы и разошлись с Алькой. Вообще не понимаю, зачем я тут. Наврала мне несостоявшаяся теща. Ненавижу детские дома. Его мать. Свою слабость.

– Узнаю, что эту... Тасю уволили, устрою гвадалахару, – обещаю я мегере директору. Она в ярости, но молчит.

Откуда берется крошечная девочка, я и сам не знаю. Вырастает возле меня. Смотрит васильковыми глазами прямо в душу. У нее глаза мальчика из карцера, глаза Альки – ее матери. Платьице уродское на ней, серое какое-то, сиротское. Хочется сбежать. Просто и не оглядываясь. Они не мои. Не мои.

Они сироты. Ну и черт с ними. Права церберша. Я вообще не предназначен для отцовства. А уж чужие дети... Тогда, что я тут жадеаю? Что?

– Не смогли удержать. К брату рвется. Мычит, – одышливо докладывает толстая бабица, похожая на самосвал, хватая девочку за тонкую ручку. – Ах ты негодница. Валентина Петровна. Может опять ее в дурку отправить? Ну спасу же нет от этих...

– Нестерова, ты совсем что ли? У нас посетитель? Не справляешься с работой... – косится на меня директриса. А мне кажется, что я снова маленький мальчик. Проваливаюсь в бездну какую-то.

Не могу оторвать взгляда от глаз, полных боли и мольбы. Девчонка вдруг меня хватает за штанину, показывает пальцем на дверь. И мне хочется всех тут разорвать. А еще, страшно хочется сбежать. Прямо вот физически яростно.

– Выпустите мальчика сейчас же. Врач приедет через час. Я завтра позвоню.

Глава 1

Восемь месяцев назад

Ярослав Розин

– Это что? – приподнимаю бровь, рассматривая тонкую дешевую папку, которую бросила на стол секунду назад женщина из прошлого. Моего прошлого, в которое возвращаться у меня нет абсолютно никакого желания. – Очередная попытка выманить у меня денег? Разочарую вас, дорогая моя бывшая, несостоявшаяся теща. Что на этот раз у вас случилось?

– Ничего. Просто я умираю. Месяца полтора осталось, – кривится мать моей бывшей супруги. – И меня не миновала сия чаша. Видно расплата за самый большой грех, который я совершила. Яр...

– Я так и знал. Денежек захотелось? А что же дочь свою ко мне не подослали? У нее бы лучше вышло меня развести на бабосики.

Черт, ну зачем? А вдруг и вправду явится моя девочка из прошлого. И что я буду делать? Что? Я до сих пор не женат снова только потому, что не смог оправиться от предательства Альки. Я ей верил, любил до умопомрачения. Я думал вообще не переживу. А потом стал козлом и жизнь стала проще и понятнее. И так мне сейчас отлично живется. Не нужно мне никого. Ну, может на разок, только. Просто убедиться, что все душевное и живое во мне давно отмерло и отвалилось.

– Аля умерла год назад, – слова Галины Николаевны я не сразу понимаю, потому что мне кажется, что меня смачно и с оттягом ударили под дых. – Похоронена на городском кладбище. Я тебе сообщала, но ты читать не стал сообщения. Наверняка в черный список кинул мой контакт. Я там рядом с ней лягу. Деньги свои засунь себе... Слушай, я понимаю, ты обижен и зол, имеешь право. Но... Моя дочь не виновата перед тобой. Меня казни, а ее отпусти.

Душа ее там маяется непрощенная. Это самое страшное для меня на краю.

– Не желаю ничего слушать, – я хриплю. Мне не нужно вранье очередное. А с Альки, что ж, теперь взятки гладки. – Думали пришли, разжалобили меня и все? Что я должен делать? Со слезами на глазах упасть на могилу, вопя, я тебя прощаю? Или вас проводить в Вальхаллу с почестями?

– Детей своих заberi. Не позволяй им пропасть в детском доме. Они беззащитные совсем. И у них нет больше никого. Ты слышишь? Разделят их, не переживут. Близнецы, Васька и Василиса. Ярослав, молно тебя, – лихорадочно блеснит глазами Аллькина мать. А меня смех начинает душить? Она что, лоха нашла?

– Моих? Вы не попутали ничего? – отсмеявшись сиплю я. – У меня нет детей. И не будет. Вам как никому это известно. Вы же врач. Я ясно излагаю? А спиногрызов пусть забирают, разделяют. Плевал я. Лиза, посетительницу проводи. Уходит она. И на будущее, больше ко мне не пускать ни одного человека с фамилией Васильковы. Лиза, твою мать... Нет, это надо, наглость такую иметь, чтобы явиться ко мне, да еще сопляков чужих мне на шею повесить.

– Я и так проклята, Розин. А ты... Сам же детдомовский. Не бери грех на душу. Твои они.

– Грех? Да что ты о грехе знаешь? Ты... Пошла вон, – уже шиплю я. На пороге кабинета появляется испуганная секретутка и слава богу, а то я уже готов взорваться. – Лиза, что встала? Гони эту старую ведьму в шею. И еще раз если пропустите ее сюда, всех на хрен уволью.

Папка так и лежит на столе. Омерзительнее змеи ядовитой этот простой дешевый конверт из пластика. Ничего хорошего от этой семейки я давно не жду. Надо же...

А Алька умерла. Умерла. Ну не могла же ее мать мне так наврать? Это даже для меня, безбожника, слишком. Это... И дети? Она что же родила? А я и не знал. Ничего не знал. Да и не интересовался. У нее другая жизнь, другой мужик. Она предпочла все и сразу. А я...

Скидываю чертову папку в мусорную корзину. Надо позвать секретаршу. Пусть вынесет отсюда эту гадость. Дети у меня. Нет у меня детей. Не нужны. Семья делает человека слабым и уязвимым, я в этом имел возможность убедиться. Только я у себя есть. Только на себя я могу рассчитывать.

Только на себя. Не люб я был нищим и бездомным. А теперь и конные и пешие прут. И все, блин, обиженки. Да пошли все...

Вскакиваю с кресла. Нужно просто уйти отсюда. Все равно куда. Пожрать нужно вкусно, дорого и от пуза. Завалиться в кабак, снять бабу и все встанет на свои места. Все просто.

— Меня сегодня не будет, — бросаю я замершей по струнке секретутке. На ходу достаю мобильник. Набираю номер единственного человека из моего прошлого, с которым до сих пор поддерживаю связь. — Борька, пошли пожрем... — хриплю, борясь со вспышками в глазах. Тик у меня с детства. В детском доме не сильно озадачивались подобными мелочами. Сейчас проявляется только во время сильного нервного стресса. Давно не было, очень давно.

Чертова папка. Не знаю зачем, возвращаюсь. Достаю ее из корзины. Пластик жжет пальцы, словно ядовитая кислота.

— Выкинь, — бросаю на стол секретарше омерзительный конверт, даже не заглянув внутрь. — Сожги к хренам. Хотя... Проверь мне кое-что.

Жить хорошо. Ресторан, дорогая еда, Борька, его скабрзные шутки, веселые дорогушие эскортницы. Мне все это помогает забыться. Я научился выкидывать из памяти ненужное и противное. Я научился жить только для себя. Очень нужное умение.

Глава 2

Сейчас

Мила Цветкова

– Послушайте, Васильки не смогут жить в детском доме. Они домашние дети. Залюбленные. Пожалуйста, я справлюсь. Я им обещала, что не отдам, умоляю я, глядя в глаза работницы социальной службы. Уставшие глаза, и в них я вижу проблеск жалости, короткий как искра. Васятка угрюмо катает машинку по полу. Чертову машинку, которую я привезла неделю назад. Василиса молчит. Все время молчит. Неделя прошла уже...

– Они просто дети-сироты. Не щенки и не котята. Выражение «домашние» к ним неприменимо. Я все понимаю. Но вы детям никто. НИКТО. – припечатывает меня инспекторша. Даже сострадание ее не может перевесить рабочих инструкций. – Крестная – это не родство. Вы понимаете, что почти сутки дети сидели возле тела своей бабушки? Вы осознаете какая это травма для семилетних детей? Пока я вижу только эгоистичных безответственных взрослых.

– Я прилетела сразу, как смогла. Я не знала. Мне тетя Галя позволила уже когда ей совсем плохо стало, и я сразу сорвалась к ним. Пожалуйста. Я умоляю вас. Я не знала, что их бабушка настолько больна. Если бы я знала...

– Ничего бы не изменилось. Детей у нас нельзя по наследству передать. Так что ничем не могу помочь. Попробуйте законно оформить все бумаги на опеку, но это займет время и... Хотите совет? Поезжайте домой. Дети-сироты. Возраст не малышковый. У вас есть жилье, семья, муж?

– У меня квартира однокомнатная, и... если нужно я выйду замуж. Если потребуется...

Социальная дама вздыхает. И во взгляде ее не жалость, а глухое осуждение. Она права во всем, кроме одного.